

Очнулся я только днем от теплого мелкого дождя, струившегося по лицу. Впереди, на пересекавшей колею дороге, не осталось никаких следов дикой орды. Зловоние тоже исчезло. На юго-востоке темнели развалины Инсмута, среди которых кое-где вздымались одинокие шпили церквей. А вокруг меня простиралась безлюдная заболоченная равнина. Мои часы показывали, что полдень уже миновал.

Хотя случившееся со мной казалось только страшным сном, я не мог отделаться от ощущения, что всё вокруг пропитано ядом. Нужно было поскорее убираться подальше от зловещего Инсмута. Превозмогая чудовищную слабость, голод, пережитый ужас и смятения чувств, я поднялся на ноги. Выйдя на размытую, дождем, грязную дорогу, я поплелся по направлению к Раули. Деревни я достиг еще до наступления вечера. Поужинав и раздобыв кое-какую одежду, сел на ночной поезд до Архема и уже на следующий день, добившись приема у представителей власти, обстоятельно рассказал всё, что видел и пережил в Инсмуте. Позже мне пришлось повторить то же самое, слово в слово, в Бостоне. То, что последовало за этим, известно многим. Хотелось бы, чтобы здесь наступил конец истории. Однако мне кажется, что беда только приближается и настоящий кошмар — или чудо? — еще впереди.

Как и следовало ожидать, многие из моих планов рухнули. У меня неостало сил продолжать путешествовать по окрестностям, любуясь природой, памятниками архитектуры и прочими древностями. Не отправился я и в музей Мискатоникского университета, чтобы взглянуть на загадочные украшения. Духу не хватило. И все же часть намеченного удалось выполнить. Я навел справки относительно своего происхождения и кое-что разведal. Разрозненные и обрывочные сведения, но на досуге можно было покорпеть над ними и попытаться систематизировать. Очень помог мне в этих изысканиях член Архемского исторического общества Э. Лэфем Пибоди, отнесшийся к моему делу заинтересованно. Он проявил большое участие, узнав, что я являюсь внуком Илайзы Орн, уроженки этих мест, родившейся в 1867 году и в семнадцатилетнем возрасте выданной за жителя штата Огайо Джеймса Уильямсона.

Оказалось, что мой дядя по материнской линии много лет назад тоже интересовался своей родословной. И еще: семейство моего деда всегда вызывало у местного населения нездоровое любопытство. По словам мистера Пибоди, особенно много толков вызвала женитьба отца Илайзы, Бенджамена Орна, состоявшаяся вскоре после Гражданской войны. Дело в том, что происхождение невесты казалось загадочным. Она была круглой сиротой из рода Маршей, живших в Нью-Хэмпшире, получила образование во Франции и мало что ведала о своих предках. Опекун поместил родительские деньги в Бостонский банк, проценты от них шли на ее содержание, а также на оплату гувернантки-француженки. В Археме не знали имени опекуна, а со временем он и совсем пропал из виду. Тогда его обязанности в судебном порядке возложили на гувернантку. Француженка оказалась на редкость скрытной особой, хотя, по мнению горожан, могла бы многое порассказать.

Самое удивительное заключалось в том, что о пресловутых родителях девушки, Иноке и Лидии Марш, никто слыхом не слыхивал в Нью-Хэмпшире. Предполагали, что она была побочной дочерью одного из Маршей — характерные для этого семейства глаза выдавали происхождение. Много пересудов вызвала и ее ранняя смерть в родах, когда она дала жизнь своему единственному ребенку — моей бабушке. Нельзя сказать, чтобы все эти открытия порадовали меня: слишком мрачные ассоциации возникали при упоминании имени Маршей, а сознание того, что я состою с ними в родстве, угнетало вдвойне. Неприятно поразило и замечание Пибоди, что у меня типично «маршевские» глаза. И все же я был благодарен ему за предоставленные сведения, которые, вне всякого сомнения, могли пригодиться. Сняв копии со всех документов, где упоминалось имя Орнов, я уехал домой в Толедо.

Проведя месяц в Моми, где приходил в себя после пережитых потрясений, я вновь возобновил

занятия на последнем курсе Оберлинского университета. Вплоть до следующего июня я увлеченно занимался наукой, почти забыв об ужасах минувшего лета. О них мне изредка напоминали лишь визиты государственных чиновников в связи с расследованием, начало которому положили мои рассказы. Спустя год после инсмутских событий, в середине июля, я гостил в Кливленде у родных покойной матушки, занимаясь уточнением раздобытых мной документов и сверкой их с тем, что находилось в семейном архиве. Мне хотелось свести все данные воедино, чтобы получить наконец-то ясную картину истории моего рода.

Нельзя сказать, что я получал удовольствие от своих занятий. Прежде всего потому, что атмосфера дома Уильямсонов всегда тяготила меня. В ней было нечто гнетущее, и, помнится, матушка с неодобрением относилась к моим поездкам сюда. А вот визиты ее отца к нам в Толедо доставляли ей удовольствие. Моя бабушка, та, что была родом из Архема, всегда казалась мне какой-то чудной. Я побаивался ее, и потому не очень горевал, когда она исчезла из моей жизни. Тогда мне, восьмилетнему, сказали, что бабушка не смогла пережить самоубийства дяди Дугласа, своего старшего сына, и, потеряв голову от горя, ушла из дому и сгинула. Дуглас застрелился сразу же после поездки в Новую Англию, когда посетил Историческое общество в Археме.

Дядю я тоже не любил — слишком уж он напоминал лицом бабушку. Встречая на себе взгляд их выпуклых глаз, я всегда поеживался от неясного беспокойства. Моя мать и дядя Уолтер были совсем другими — они пошли в отца. А вот кузен Лоренс, сын Уолтера, казался даже в детстве миниатюрной копией бабушки. Теперь он, бедняга, по состоянию здоровья томится в Кентонском санатории. Я не видел его уже четыре года, но, по словам дяди, физическое и психическое состояние больного оставляет желать лучшего. Это семейное несчастье повлекло за собой два года назад преждевременную смерть его матери.

Теперь в Кливленде жили только дед да овдовевший Уолтер, но в доме все напоминало о прошлом. Я по-прежнему с трудом переносил его атмосферу и торопился поскорее завершить свои дела. Дед поведал мне все предания, связанные с родом Уильямсонов, а также предоставил в мое распоряжение уйму всяких документов. Дядя Уолтер же ознакомил меня с архивом рода Орнов, включавшим разные записи, письма, вырезки из газет и журналов, фамильные вещи, фотографии и миниатюры.

По мере того как я изучал письма и рисунки из архива Орнов, меня охватывал все больший ужас. Как уже говорилось, мне всегда были чем-то неприятны бабушка и дядя Дуглас. И вот теперь, годы спустя, всматриваясь в их портреты, я чувствовал еще большую неприязнь и отчуждение. Почему? Сначала причина была неясна, но постепенно, против моей воли, в мое подсознание стало вкрадываться смутное подозрение о некоем ужасном сходстве. Выражение их лиц говорило мне теперь много больше, чем прежде. Я боялся задумываться об этом, предчувствуя, что разгадка может быть для меня катастрофой.

Но худшее еще предстояло. Дядя показал мне фамильные драгоценности Орнов, хранившиеся в банковском сейфе. Некоторые из них поражали изяществом и филигранной работой. А вот шкатулку, где хранились украшения моей загадочной прабабушки, дядя долго не хотел открывать. По его словам, оригинальность изделий по гротескной фантастичности замысла нарушала границы дозволенного и была даже отталкивающей. Бабушка никогда не носила драгоценностей на людях, но часто в одиночестве любовалась ими. По преданию, они приносили своим владелицам несчастье, хотя француженка-гувернантка моей прабабушки считала, что их неблагоприятное воздействие ощущается только в Новой Англии, а в Европе они безопасны.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1032720>